

Социальная политика. Социальная структура

© 2020 г.

Н.И. ЛАПИН, В.А. ИЛЬИН, М.В. МОРЕВ

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ НЕРАВЕНСТВА И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО (часть 2)

ЛАПИН Николай Иванович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, Москва, Россия (lapini31@mail.ru); ИЛЬИН Владимир Александрович – доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, научный руководитель Вологодского научного центра РАН, Вологда, Россия (ilii@vscc.ac.ru); МОРЕВ Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник того же центра (379post@mail.ru).

Аннотация. В первой части статьи¹ был показан рост экстремальных неравенств доходов и доходных весов макрострат населения, чреватый опасными рисками для консолидации российского общества. Во второй части авторы сосредотачивают внимание на причинах такого состояния и способах его преодоления. Они характеризуют сложившееся состояние как в значительной мере результат недобросовестных действий двух групп акторов, представляющих крупный бизнес и часть государственных и общественных деятелей высокого уровня управления. На примере деятельности крупных российских металлургических корпораций показаны способы финансовой «оптимизации», направленной на уменьшение налоговых поступлений от них в консолидированный бюджет государства. Приведены примеры законодательной легитимации инициатив органов исполнительной власти, способствовавших такой «оптимизации» деятельности крупного бизнеса. В то же время, как показали авторы, благодаря инновационной активности творчески работающих специалистов в экономике ряда регионов происходят процессы модернизации, ограничивающие рост экстремальных неравенств. Но эти процессы совершаются спонтанно, во многом неэффективно, требуют повышения регулирующей роли государства. Приведенные данные свидетельствуют о слабости государства как социального, что настоятельно требует разработки федеральной целевой программы, которая позволит осуществить конституционный принцип сильного, гуманистически активного социального государства в России. Желательны также комплексные междисциплинарные исследования процессов эволюции российских регионов.

Ключевые слова: экстремальное неравенство доходов • акторы • модернизация • социальное государство • социальное программирование

DOI: 10.31857/S013216250008491-3

Неравенство доходов и доходных весов разных людей, социальных групп и страт – реальность всех обществ, необходимый стимул экономического, политического, в целом социокультурного их развития, но при избыточности – препятствие солидарности,

¹См.: Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 4–17.

ограничение эффективности. Наиболее концентрированно границы избыточности обнаруживаются в экстремальных неравенствах доходов и доходных весов крайних децильных страт населения. Именно такие неравенства результируют совокупность всех доходных неравенств и служат комплексными показателями устойчивости развития обществ и организующих их государств. Субъективно они воспринимаются населением как относительно справедливые или несправедливые.

В каждом обществе на разных этапах его развития складываются свои нормы, границы эффективности и справедливости неравенств. Как показано в первой части статьи, по оценкам экспертов, в наше время для экономически развитых демократических стран границей справедливости экстремальных неравенств доходов и доходных весов служит превосходство доходов высшей децильной страты над низшей не более чем в 8–10 раз. В современной России оно составляет более 15 раз. Другие виды неравенств пока находятся в условно приемлемых границах, но продолжают расти: наиболее значительно между крайними децилями среди обеспеченных (свыше 8 раз) и менее заметно – среди малообеспеченных (3,3 раза). Подчеркнем: их рост служит предпосылкой превышения приемлемых границ и рискогенного обострения всего комплекса неравенств.

Рост экстремальных неравенств доходных весов макрострат населения свидетельствует об устойчивой **слабости государства как социального**. Эта характеристика сложилась преимущественно в результате действий двух групп социокультурных акторов: представителей крупного бизнеса и связанных с ними деятелей исполнительных и законодательных органов государственной власти. Те и другие относятся к высшей, 10%-й доходной страте, самой малой по численности, но обладающей максимальным доходным весом. Более подробный анализ представлен в недавно изданной монографии [Ильин и др., 2018], здесь же приведем его квинтэссенцию с целью обоснования необходимости перехода от слабого к сильному, социально активному социальному государству в России. Для этого вкратце охарактеризована деятельность основных акторов, во многом определяющая высокий уровень неравенства доходов населения, а также обоснована роль модернизации как способа преодоления рассматриваемой проблемы, и показана целесообразность поэтапного *программирования* становления сильного социального государства.

Актеры экстремальных неравенств доходов населения

Актеры, представляющие крупный бизнес. В 2007–2016 гг. в России количество крупных корпораций увеличилось с 36 до 123, а сумма полученной ими выручки выросла с 14,4 до 52 трлн руб., что составило 35,4% выручки в экономике страны. На долю таких корпораций приходилась половина объема прибыли, полученной хозяйствующими субъектами, в том числе на частные компании, составляющие более 60% в структуре крупнейших холдингов, – почти половина денежного оборота крупного бизнеса и около 40% прибыли. Из 83 тыс. хозяйствующих субъектов РФ в 2016 г. на долю небольшого числа крупнейших компаний приходилось 15% производства ВВП, более 80% объема экспорта, 34–35% капиталовложений и прибыли, 32% налоговых доходов консолидированного бюджета. 10 наиболее капитализированных эмитентов контролировали 63% фондового рынка (в странах Европы – не более 30%).

Как лидеры крупного бизнеса осуществляют его функции социальной ответственности и какую личную ответственность несут за это перед государством, населением и всем обществом России? Выделим две группы социальных функций крупного бизнеса: внешнюю и внутреннюю.

Во внешней группе наиболее значимы глобально-экономическая и геополитическая составляющие. В первой составляющей крупный бизнес определяет место экономики России в глобальной экономике: выше среднего, но при этом – весьма недостаточную ее конкурентоспособность. *Геополитически* он участвует в обеспечении статуса

ядерно-космической сверхдержавы России, которая все активнее влияет на мировые политические процессы, включая противодействие однополярности мира.

Во внутренней группе также отметим две составляющие. В *социально-гуманитарном плане* бизнес должен, путем достойной оплаты труда нанимаемых работников, создавать условия для приемлемого качества их жизни. *Экономико-политически* его обязанность состоит в том, чтобы добросовестно отчислять налоговые платежи, помогая тем самым государству быть экономически суверенным и социально сильным, создающим условия для достойной жизни всего населения страны.

Во многих развитых странах характер осуществления крупным бизнесом внешних и внутренних функций в отношении населения и государства является предметом критического анализа ученых, государственных и общественных деятелей. Однако в России действия многих представителей крупного бизнеса остаются «за кадром» публичности, хотя нередко они противоречат интересам государства и игнорируют интересы наемных работников, создающих их доходы. Такие действия не выдерживают сравнения с социально ответственным поведением бизнесменов в развитых (западных) и быстро развивающихся восточных странах (Китай и др.).

Приведем факты, характеризующие деятельность пяти основных металлургических корпораций². Анализ их налогового вклада показывает, что они обеспечивали 40% совокупной выручки металлургических компаний России при формировании бюджетов Российской Федерации и ее регионов в 2012–2016 гг. По всем корпорациям отмечается *снижение* удельных значений налога на прибыль (по отношению к выручке) на 0,5–5,8 п.п. Это значит, что часть выручки выводилась из денежного оборота. При этом использовались следующие способы.

Отгрузка продукции на экспорт по ценам на 12–14% ниже мировых. Недополученная выручка составила 56 млрд руб. в год, или около 30 тыс. руб. на одного жителя региона на расположения предприятий, а общий объем не поступивших налогов в федеральный бюджет оценивается в 11,2 млрд руб.

Опережающий рост коммерческих и управленческих расходов по сравнению с доходами от продаж. Этот рост ежегодно уменьшал базу налогообложения на 3 млрд руб. на Братском алюминиевом заводе и на 21–31 млрд руб. в других головных предприятиях отрасли. При отсутствии такого роста могли бы быть увеличены поступления налога на прибыль на 28,6 млрд руб. ежегодно.

Рост корпоративного долга и издержек по уплате процентов за него: в 1,5–2 раза. Это сократило отчисления налога на прибыль на 17,8 млрд руб.

Внереализационные убытки, не противоречащие Налоговому кодексу РФ. Они сформировали более 40% убытков предприятий (например, при скупке несостоятельных зарубежных компаний). В целом недоначисленный налог на прибыль от таких убытков составил около 70,7 млрд руб.

Для минимизации налога на прибыль искусственно раздувались издержки в виде коммерческих, управленческих, процентных расходов. Баснословные выплаты вознаграждений работникам органов корпоративного управления, превышавшие в десятки и сотни

² Информационной базой послужили данные годовых отчетов, представленные на официальных сайтах металлургических корпораций по международным и российским стандартам финансовой отчетности, данные Федеральной налоговой службы, Федерального казначейства, Министерства финансов РФ, Росстата, материалы органов исполнительной власти субъектов РФ, Всемирной ассоциации стали. Отчетность металлургических корпораций опубликована на официальных сайтах ПАО «Северсталь» (<https://www.severstal.com/>), ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» (<http://mmk.ru/>), ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» (<https://nlmk.com/ru/>), ПАО ГМК «Норникель» (<https://www.nornickel.ru/>), сетевого издания «Центр раскрытия корпоративной информации» (отчетность ПАО «РУСАЛ Братск» (<http://www.e-disclosure.ru/portal/company.aspx?id=838>)). Результаты рассчитаны ст. н. сотр. ВолНЦ РАН Анной Ивановной Поваровой; благодарим ее за возможность использовать данные, приведенные в статье.

раз среднюю зарплату остальных работников, позволяли снижать налогооблагаемую прибыль до 30 млрд руб.

Акторы исполнительных и законодательных органов власти. Второй основной группой акторов, активно поддерживавших снижение вклада крупнейших налогоплательщиков в бюджет, стали деятели исполнительных и законодательных органов власти, а также общественных организаций, которые осуществили изменения в налоговом законодательстве, позволившие лидерам крупного бизнеса использовать различные способы «оптимизации» налогообложения.

Так, с 1 января 2008 г. по инициативе Правительства РФ³ была введена нулевая ставка налога на прибыль, начисляемую на дивиденды от стратегического участия российской организации в других компаниях. В соответствии с этим изменением, в 2008–2016 гг. было исключено из базы налогообложения 423,3 млрд руб. В результате потери федерального бюджета составили 85,9 млрд руб.

С 2011 г., по инициативе РСПП и по поручению президента РФ Д.А. Медведева, в налоговую практику введен институт консолидированных групп налогоплательщиков (КГН), который позволил осуществлять взаимозачет прибылей и убытков, полученных участниками КГН. Результатом стало двукратное падение физических и удельных объемов поступлений налога на прибыль в бюджеты субъектов РФ. В качестве возмещения НДС Правительство РФ ежегодно компенсировало металлургическим корпорациям из бюджета 40 млрд руб.

Отметим *экономические результаты* использования этих и других способов снижения налогового вклада крупного капитала.

Экспортная выручка предприятий металлургии, выведенная в 2011–2016 гг. из-под российского налогообложения через офшорные трейдерские компании, составила 56 млрд руб., а не исчисленный с нее налог на прибыль оценивается в 11 млрд руб.

Одним из главных факторов огромных убытков головных предприятий в 2013–2014 гг. и роста внешних корпоративных долгов стали расходы на содержание и ликвидацию обанкротившихся подразделений, которые были скуплены в период активной транснационализации бизнеса, но так и не встроились в схемы внутрипроизводственной кооперации.

В 2007–2016 гг. ежегодно изымались из хозяйственного оборота и направлялись в форме финансовых инвестиций в другие компании 0,8 трлн руб., что в пять раз превысило расходы на модернизацию своего производства.

В целом потенциал крупнейших корпораций слабо вовлекается в решение задач регионального развития. Их финансовые потоки направляются в пользу офшорных бенефициаров, ограничивая ресурсный потенциал регионов.

А как на все это реагируют 90% населения, которые составляют его демократическое большинство? Обратим внимание на два аспекта, характеризующих социально-психологические настроения, или латентные позиции этого большинства, – низкий уровень доверия органам власти и нарастающую (как показывают результаты наших исследований) пассивность граждан. Оба они тесно взаимосвязаны и во многом проистекают из многолетней нерешаемости ключевых социальных проблем, прежде всего – экстремального неравенства доходов.

О низком уровне доверия населения к российским органам власти, кроме президента РФ, свидетельствуют как многочисленные опросы отечественных исследователей, так и выводы авторитетных международных экспертов. По данным Европейского социального исследования (The European Social Survey), наша страна находится на 11-м (из 16 стран) месте по уровню доверия парламенту; по уровню доверия судебной-правовой системе – на 14-м; полиции – на последнем 16-м; политикам – на 10-м; политическим партиям –

³ Федеральный закон от 16.05.2007 № 76-ФЗ «О внесении изменений в статьи 224, 275 и 284 части второй Налогового кодекса Российской Федерации».

на 10-м месте⁴. Результаты общероссийских и региональных мониторинговых социологических измерений (проводимых, в частности, ФНИСЦ РАН и ВолНЦ РАН) позволяют говорить о том, что при относительно высоком уровне доверия непосредственно президенту не более 40% жителей доверяют региональным и муниципальным органам управления.

Наши исследования также показывают, что с 2000 по 2018 г. увеличилась доля людей, которые перестают строить планы на будущее, в частности, в отношении жилищных условий, качества питания, медицинского лечения, получения детьми качественного образования. Как показало специальное исследование, «только 52% россиян имеют осознанную и претворяемую в жизнь цель, другие не видят и/или не ставят на будущее конкретных целей» [Карачаровский, Шкаратан, 2019: 5].

Можно сказать, что *нарастающая пассивность значительных слоев населения соответствует пассивности государства в отношении экстремальных неравенств доходов*. А эта пассивность – показатель его *слабости* как социального государства. Проявление этого, во-первых, в том, что оно не решается поднять уровень социального обеспечения до достаточного для достойной жизни всех, кто нуждается в таком обеспечении, а не только избранных категорий населения, начиная с госслужащих. Во-вторых, в том, что оно не может (или не желает) ограничить сверхдоходы самых богатых слоев граждан через прогрессивный налог на их доходы, как это сделали государства многих индустриально развитых стран в послевоенный период и в настоящее время продолжают таким же образом перераспределять доходы, несмотря на противодействие крупных собственников.

Тем не менее, вопреки этой слабости государства, небольшая часть творчески активных граждан продолжала искать возможности улучшить свое положение через инновации. Благодаря их инновационной деятельности «снизу», т.е. по собственной инициативе, в России одновременно, хотя и замедленно, осуществлялись неомодернизация и информатизация хозяйственной жизни.

Модернизация – способ ограничения экстремальных неравенств

Основным способом успешного развития стран западной цивилизации в новое и новейшее время была комплексная модернизация – научно-техническая, социально-экономическая, социокультурная. Известны две ее стадии: индустриальная и информационная. Вторая началась с 1970-х гг. и продолжается, подготавливая переход к новой стадии [Цивилизация..., 2011. Ч. 1]. В отношении нашей страны мы исходим из следующей позиции. В СССР методами авторитарной мобилизации всего населения в кратчайшие исторические сроки была осуществлена индустриализация. Но в дальнейшем, с утверждением тоталитарного политического режима, централизованно планируемая экономика не сумела перейти к информационной стадии модернизации. Возник общий кризис, завершившийся самораспадом СССР. В 1990-е гг. произошла деиндустриализация постсоциалистической России. С 2000 г. началась новая ее индустриализация.

В 2011–2016 гг. по инициативе Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, в рамках межрегиональной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», проведен комплекс исследований процессов социоэкономической и социокультурной модернизации в российских регионах⁵. Существенным результатом стали выводы о том, что одновременно с новой индустриализацией в 2000–2012 гг. начался переход наиболее развитых регионов Центрального, Северо-Западного и Уральского федеральных округов, России в целом к информационной стадии модернизации; этот

⁴ Для анализа отобраны страны, которые участвовали в опросах в 2008 и 2016 гг. Источник: Европейское социальное исследование (The European Social Survey). URL: <http://www.ess-ru.ru> (дата обращения: 01.10.2019).

⁵ Исследования проведены на основе методологии Центра исследований модернизации АН Китая (рук. проф. Чуанци Хэ), адаптированной к особенностям российской статистики; при этом использована Информационная система «Модернизация», созданная в ИСЭРТ РАН (ныне ВолНЦ РАН).

переход определился в 2012–2014 гг. Еще одним обобщающим результатом исследований стала типология состояний модернизованности всех регионов РФ.

ЦИСИ Института философии сконструировал способ измерения *комплексного состояния* (типов) этих процессов, в единстве их уровней и динамики (стадий). С помощью этого инструментария измерены состояния модернизованности всех регионов России и их динамика в 2000–2012 гг. Это позволило получить типологию состояний модернизованности регионов: от низкого (тип 1) до самого высокого (тип 6) (см. об этом: [Атлас модернизации..., 2016: 312–314 и др.]).

Сопоставление этой типологии с кластеризацией регионов по основным неравенствам доходных весов макрострат их населения, охарактеризованной в первой части статьи (см. табл. 5 и 6), позволило получить **модернизационные кластеры регионов**, характеризующихся экстремальными неравенствами доходных весов макрострат их населения. Основные и дополняющие значения семейства центильных коэффициентов неравенств доходов органично («один в один») оказались совместимы с типологией их модернизованности. *Контрастная часть* этих кластеров регионов (экстремальность неравенства доходов в сопоставлении с разновекторностью эволюции этих неравенств) представлена в табл. 7; для краткости в ней дополнительные неравенства ограничены неравенством 10% самых богатых по отношению к средней демократических 90% населения (Кбд).

Данные таблиц 5 и 6 уже свидетельствовали об определенной корреляции доходных весов макрострат населения с состояниями модернизованности регионов. Данные табл. 7 демонстрируют более высокую степень этой корреляции. На наш взгляд, это служит эмпирическим подтверждением обобщающего вывода: **модернизация**, инициированная снизу, из регионов, при активной ее поддержке сверху, – **это развитие, позволяющее ограничить рост экстремальных неравенств** доходных весов макрострат населения регионов и РФ в целом, а в перспективе – снизить эти неравенства до нормы, приемлемой для большинства населения.

Более детальный анализ показал, что взаимосвязанное повышение социально-экономического развития регионов и состояния их модернизованности сопровождалось в 2000–2007 гг. в высокомодернизованных регионах ростом экстремальных неравенств доходных весов макрострат населения, которые затем стали снижаться и к настоящему времени характеризуются разрывом в 12–16 раз.

В этом контексте впечатляет опирающаяся на данные Росстата уникальная динамика *столичного мегаполиса*. В 2000 г. он стартовал с непреодолимого, казалось бы, отрыва от всех других регионов по экстремальному неравенству, которое составляло 46,3 раза – в 3,3 раза больше общероссийского. К 2003 г. этот разрыв увеличился до 48,7 раза, но затем стал последовательно снижаться: до 38,3 раза в 2007 г., 20,9 раза – в 2014 г. и 16,1 раза в 2017 г., т.е. снизился в три раза и вплотную приблизился к общероссийскому 15-кратному уровню. Одновременно в Москве снизилось и неравенство между доходными весами самых богатых и остального населения (Кбд): с 6,36 до 3,96 раза, что тоже немало и было подкреплено заметным снижением неравенства доходных весов богатых по сравнению с обеспеченными: с 18,33 до 8,39 раза (при общероссийском Кэс = 8,05 раза).

Экономической основой этой эволюции столичного мегаполиса стали концентрация финансового капитала, развитие информационной инфраструктуры и сферы услуг. Высокий уровень информационной стадии модернизации и сбалансированность ее компонент позволяют отнести Москву к информационно развитым регионам. Важным фактором успеха стало обоюдное взаимодействие мегаполиса с областью. Московская область также стала инновационно развитым центром, а экстремальное неравенство доходных весов в ней снижается с 2007 г. Город и область образовали Московскую агломерацию, которая является одним из лидеров народного хозяйства страны.

Вместе с тем возникают существенные вопросы, на которые пока нет ответов. Почему перелом экстремальных доходных весов Москвы начался с 2003 г. и продолжался столь стремительно? Связано ли это с равноудалением сырьевых и финансовых олигархов

Таблица 7

Состояния (типы) модернизированности регионов и экстремальные неравенства доходных весов макрострат их населения

Регионы	Основные неравенства						Дополняющие неравенства			Ранг ВРП	Тип модернизированности
	Кэ*			Кэо**			Кбд***				
	2000	2007	2017	2000	2007	2017	2000	2007	2017	2016	2012
Российская Федерация	13,9	16,1	15,3	6,99	8,73	8,05	3,54	4,06	3,86		3
А. Высокомодернизированные регионы с высокими Кэ-неравенствами (2017)											
<i>А-1. Регионы с повысившимися Кэ-неравенствами (2000–2017)</i>											
Сахалинская обл.	8,7	15,7	15,3	5,28	7,96	8,07	2,98	3,84	3,87	4	5
г. Санкт-Петербург	9,4	19,4	14,9	5,41	9,39	7,90	3,03	4,25	3,82	9	6
Свердловская обл.	10,4	18,3	14,8	6,47	8,21	7,84	3,47	4,20	3,80	20	5
Пермский край	13,6	18,5	14,6	7,93	9,51	7,80	3,83	4,28	3,79	23	5
Нижегородская обл.	9,30	12,9	14,1	6,40	7,12	7,55	3,36	3,59	3,42	37	6
Московская обл.	8,20	14,5	13,1	4,56	7,65	7,16	2,72	3,75	3,72	17	6
<i>А-2. Регионы с понизившимися Кэ-неравенствами (2000–2017)</i>											
г. Москва	46,3	38,3	16,1	18,33	16,63	8,39	6,36	6,00	3,96	6	6
Самарская обл.	16,5	20,7	12,2	8,87	10,21	8,39	4,10	4,47	3,49	27	5
Б. Низкомодернизированные регионы с низкими Кэ-неравенствами (2017)											
<i>Б-1. Регионы с повысившимися Кэ-неравенствами (2000–2017)</i>											
Тамбовская обл.	10,05	13,7	12,2	6,53	7,35	6,83	3,40	3,66	3,49	51	1
Кабардино-Балкарская Республика	8,90	11,5	10,1	4,47	6,55	5,83	2,69	3,41	3,17	82	1
Северная Осетия – Алания	8,50	11,4	10,9	4,63	6,34	6,22	2,74	3,34	3,30	77	1
Республика Алтай	9,20	9,80	10,7	4,87	5,77	6,11	2,83	3,15	3,26	70	1
<i>Б-2. Регионы с понизившимися Кэ-неравенствами (2000–2017)</i>											
Республика Калмыкия	10,5	11,6	8,50	4,47	6,55	5,83	3,47	3,31	2,92	75	1
Карачаево-Черкесская Республика	10,3	10,6	10,1	6,42	5,85	5,84	3,36	3,18	3,17	81	1

Примечания. *Кэ – экстремальные неравенства 10% самых богатых по отношению к 10% самых бедных (совпадает с коэффициентом фондов); **Кэо – неравенство между экстремальными децилями макростраты обеспеченных (40% населения); ***Кбд – неравенство 10% самых богатых по отношению к средней демократических 90% населения.

от прямого влияния на власть и с их самоэвакуацией в зарубежные финансовые центры и райско-офшорные края? Структура и роль столичного феномена быстрого сближения с общероссийскими неравенствами доходных весов макрострат населения мало изучены независимыми учеными и требуют специальных исследований. Возможно, такие исследования позволят ответить на вопрос: как достичь приемлемого неравенства доходных весов макрострат населения в общероссийском масштабе?

Ключевая проблема обеспечения государством эффективного решения вопросов научно-технического развития страны заключается в противоречии между декларированием больших инновационных целей и фактическим отсутствием регулирования инновационных процессов. Регионы не получают сигналы сверху о необходимости развития региональных инновационных систем и не проявляют активности в этом направлении. Это обрекает процессы модернизации в большинстве регионов на *спонтанность и несбалансированность* ее главных компонент. Тем самым не только снижаются ее темпы и

эффективность, но и сами результаты становятся дисфункциональными, тормозящими ее саморазвитие и усугубляющими совокупность сопряженных проблем использования человеческого потенциала, повышения качества жизни всего населения, а не узких его слоев. Результаты названных выше исследований уже в 2016 г. привели к следующему выводу.

Преимущественно спонтанное продолжение модернизации заторможено. В то же время, чтобы стать информационно развитой, России необходимо повысить индекс вторичной (информационной) модернизации до 80 баллов, т.е. на четыре или более пунктов, а интегрированный индекс – на 13 пунктов (с 67 до 80). Эти задачи только на первый взгляд легкодостижимы. Перспективы вхождения России в число модернизационно развитых стран остаются сложными [Атлас модернизации..., 2016: 303].

Требуется эффективное сочетание спонтанности и государственного регулирования процессов модернизации, используя Федеральный закон «О стратегическом планировании» (от 28 июня 2014 г., № 172-ФЗ). Но фактически такое регулирование не осуществляется. Слабое государство не в силах осуществлять законы, регулирующие его собственную деятельность. Тем более необходим переход к социально сильному государству.

О программировании перехода к сильному, гуманистически активному социальному государству

Включение в Конституцию Российской Федерации принципа социального государства стало *компромиссным результатом* драматической борьбы политических сил в 1993 г. В проекте Конституции, внесенном представителями президента Б.Н. Ельцина, этот принцип отсутствовал. Напротив, в проекте левых сил он был включен уже в первую статью. Б.Н. Ельцин пошел на компромисс и согласился на включение этого принципа в первую главу Конституции (статья 7), чтобы повысить поддержку населения, которое должно было голосовать вскоре после расстрела парламента. Как известно, население поддержало компромиссную позицию власти, тем самым принцип социального государства получил статус высшей нормативно-правовой обязательности: для государственных служащих и всех граждан России. Это подняло саму Конституцию РФ на высокий гуманистический уровень.

Сегодня, через четверть века после принятия Конституции, принцип социального государства остается преимущественно конституционно-институциональной *нормой*, которую властвующие элиты не могут игнорировать, но реализуют по минимуму – как слабое, минимально защищающее государство, которое предполагает экстремальные неравенства доходов населения и доходных весов его макрострат, выходящие за границы приемлемо справедливых. Фактическое положение, при его оценке из регионов, часто интерпретируется как отсутствие социального государства. Оно не соответствует ожиданиям большинства населения, его основным ценностям.

Это противоречие выступает как *вызов органов исполнительной власти и крупного бизнеса гражданскому обществу*, которое четверть века назад поддержало исторический компромисс, предложенный государством, и ожидает последовательного его выполнения. За прошедшие четверть века вступили в полноценную жизнь новые поколения граждан России. Они сформировали иные, чем у родителей, представления о человеческом достоинстве и ожидания нового качества жизни, современного содержания труда, его условий и оплаты, сокращения сроков решения жизненно важных проблем⁶. В этой связи практическая, а не только декларативная, реализация конституционного принципа социального государства становится фундаментальным условием для сохранения общественной солидарности и возможности дальнейшего развития интеллектуального творческого, гуманистического потенциала новых поколений.

Напомним, что в первой части седьмой статьи Конституции РФ сказано о том, что политика социального государства «направлена на создание условий, обеспечивающих

⁶Об особенностях поколения «миллениалов» см.: [Радаев, 2019].

достойную жизнь и свободное развитие человека», а во второй – об охране труда и здоровья людей, минимальном размере оплаты труда, поддержке семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты. Это две взаимосвязанные функции сильного, гуманистически активного социального государства: а) *защищающая* уязвимые слои граждан и б) *гуманистически-созидательная*, означающая активное *созидание условий* для свободного саморазвития всех граждан как достойных людей.

Действительно **сильное социальное государство** означает, что граждане, занятые во всех ветвях государственной власти и на всех ее уровнях, направляют основные усилия на полное выполнение социальных обязательств государства, соответствующих второй части статьи 7 Конституции, а также, не ограничиваясь этой защищающей функцией, делают все возможное для созидания условий выполнения гуманистической функции, заявленной в первой части этой статьи. Важнейшим является требование о создании условий для обеспечения человеческого достоинства и свободного развития каждого гражданина Российской Федерации.

Из всего сказанного следует, что в настоящее время практически наиболее значимым условием стало обеспечение приемлемого для большинства населения неравенства доходов – которое не только приемлемо, но и будет стимулировать повышение экономической и гражданской активности, развитие экономики страны и ее глобальной конкурентоспособности.

Переход к сильному защищающему социальному государству, одновременно созидающему условия для движения к обществу с гуманистически справедливыми, приемлемыми неравенствами, не только актуален, но и реален: потребность в нем испытывает большинство (более 75%) населения России, которое согласно с ценностями повседневного гуманизма (см.: [Лапин, 2013: 221]). В том числе и немалая часть государственных служащих, ценящих гуманизм⁷.

Для решения данной задачи необходимы определение и реализация способов снижения экстремальных неравенств доходов населения и доходных весов его макрострат, мер по достойному социальному обеспечению и правовой защите демократических свобод всего населения, а также других направлений повышения человеческого потенциала. Однако реализовать все эти аспекты можно только в условиях *целевого поэтапного программирования перехода к сильному, гуманистически ориентированному социальному государству* (подробнее см.: [Лапин, 2019: 225–229]). Это предполагает проведение комплексных исследований процессов развития Российской Федерации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Одним из таких исследований может стать подготовка междисциплинарного издания «Регионы новой России: к взаимному доверию, консолидации, успеху – через инновации»⁸.

⁷ В 2005–2006 гг. Левада-центр, по заказу фонда «Либеральная миссия», методом интервью провел три волны экспертного опроса среди репрезентативно выбранных представителей российской элиты (околовластных кругов, авторитетных или высокостатусных групп), в том числе о желательных направлениях развития страны. Из трех типовых комплексов таких направлений «европейскую модернизацию» поддержали 20%, «сильную мировую державу» – 40%, а идею «социального государства и социальной справедливости» – 32% [Гудков, 2007: 110].

⁸ Предполагается многотомное издание, большая его часть может быть посвящена федеральным округам и их регионам, а также общим проблемам регионального развития Российской Федерации. Каждый регион будет охарактеризован по основным компонентам (от цивилизационно-культурного своеобразия до региональной инновационной системы), которые тесно связаны с его инновационным развитием. Для осуществления научно-методической координации такого издания целесообразно создать специализированный научный совет Отделения общественных наук РАН. Желательна поддержка Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Это будет способствовать сосредоточению внимания органов управления и широкой общественности на ключевых проблемах и задачах инновационного развития регионов, решение которых повысит способность России дать достойный ответ на большие вызовы на новом историческом этапе ее развития.

Таким образом, первостепенные причины, обуславливающие необходимость формирования сильного и активного социального государства, заключаются в следующем: во-первых, экстремальный уровень неравенства между богатыми и бедными в подавляющем большинстве российских регионов выходит за пределы приемлемой нормы справедливости и не только тормозит развитие человеческого потенциала и препятствует мотивации людей к самореализации, но и служит почвой для роста социальных опасностей и угроз.

Во-вторых, граждан России не может не волновать рубежность переживаемого политического периода, поскольку скоро может возникнуть необходимость реализации внутреннего и внешнего политического курса без лидирующей роли В. Путина как президента РФ. Уже сейчас, до выборов нового президента РФ в 2024 г., необходима широкая научно-общественная дискуссия с целью достижения консенсуса о способах реализации социального государства в России. Эта дискуссия должна ориентировать научные организации, законодательные и исполнительные органы власти на разработку методологических основ и подготовку федеральной целевой программы по формированию сильного, гуманистически активного социального государства, реализация которой должна обеспечиваться софинансированием из федеральных и региональных бюджетов, желательно также бизнесом, при личном участии и контроле со стороны президента. Отсутствие реальных шагов в этом направлении ведет к сохранению существующего положения, которое не только противоречит конституционному принципу социального государства, но и представляет собой одну из самых больших угроз для солидарности общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016.
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.Л. Проблема «элиты» в современной России: размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.
- Ильин В.А., Морев М.В., Поварова А.И. Социальное государство в России: проблемы и перспективы. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018.
- Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Разные цели одного общества // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 5–17.
- Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Новые идеи в социологии / Отв. ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ, 2013.
- Лапин Н.И. (ред.) Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты. СПб.: Реноме, 2019.
- Радаев В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
- Цивилизация и модернизация // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). М.: Весь мир, 2011. С. 23–72.

Статья поступила: 07.10.19. Финальная версия: 07.11.19. Принята к публикации: 17.12.19.

EXTREMAL INEQUALITIES AND SOCIAL STATE (part 2)

LAPIN N.I.*, ILYIN V.A.**, MOREV M.V.**

*Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russia; **Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russia

Nikolay I. LAPIN, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Centre for Socio-cultural Changes Studies, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (lapini31@mail.ru); Vladimir A. ILYIN, Dr. Sci. (Econ.), Prof., corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia (ilin@vscc.ac.ru); Mikhail V. MOREV, Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia (379post@mail.ru).

Abstract. The first part of the paper shows the growth of extreme income inequalities and income weights of the macro-strata; this growth is fraught with dangerous risks for the consolidation of Russian society. In the second part of the article, we focus on the factors that led to this situation and suggest the ways to overcome it. We think that the current situation is mostly a result of unscrupulous actions by the two groups of actors representing big business and part of the governmental and public figures from high levels of power. We use an example of major Russian metallurgical corporations to show the ways of financial "optimization" aimed at reducing tax revenues from the corporations to the consolidated budget of the state. We also provide examples of legitimization of the initiatives of executive authorities that contributed to such an "optimization" of activities of large business. On the other hand, we show that due to the innovative activity of creative specialists in the economy of a number of regions there are modernization processes that limit the growth of extreme inequalities. But these processes are carried out spontaneously and in many ways inefficiently; and they require regulatory role of the state to be increased. These data indicate the weakness of the social state in Russia; this fact makes it necessary to develop a federal target program that will help implement the constitutional principle of a strong and humanistically active social state in Russia. Besides, it is advisable to conduct comprehensive interdisciplinary studies of the evolution of Russian regions; for example, the publication entitled "Regions of New Russia" in 10 volumes can be prepared.

Keywords: extreme income inequality, actors, modernization, social state, social programming.

REFERENCES

- Civilization and Modernization. (2011) In: *China Modernization Report Outlook (2001–2010)*. Moscow: Ves' Mir: 23–72. (In Russ.)
- Gudkov L.D., Dubin B.V., Levada J.A. (2007) *The Problem of the 'Elite' in Today's Russia: Reflections on the Results of the Sociological Study*. Moscow: Fond "Liberal'naya missiya". (In Russ.)
- Ilyin V.A., Morev M.V., Povarova A.I. (2018) *Social State in Russia: Problems and Prospects*. Vologda: VRC RAS. (In Russ.)
- Karacharovskiy V.V., Shkaratan O.I. (2019) Different Goals of One Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–17. (In Russ.)
- Lapin N.I. (ed.) (2016) *Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socio-Economic and Socio-Cultural Trends and Challenges*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Lapin N.I. (ed.) (2019) *The Formation of the Welfare State and the Perspective of the Social State in Russia. Reality and Projects*. Saint Petersburg: Renome. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2013) Sociocultural Factors of Russian Stagnation and Modernization. In: Toshchenko Zh.T. (ed.) *New Ideas in Sociology*. Moscow: UNITI. (In Russ.)
- Radaev V. (2019) *Millennials: How Russian Society is Changing*. Moscow: HSE. (In Russ.)

Received: 07.10.19. Final version: 07.11.19. Accepted: 17.12.19.